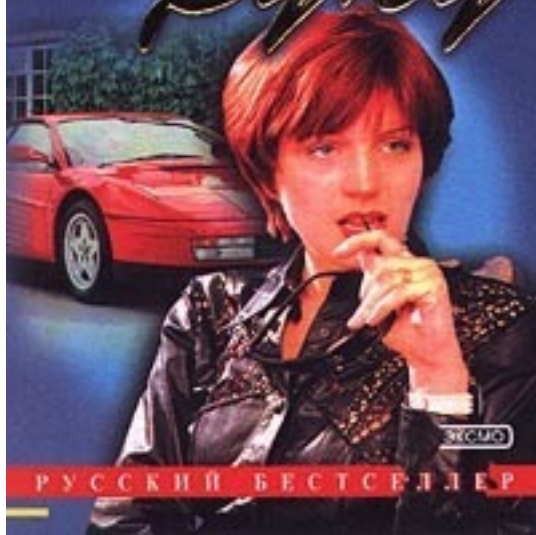

Марина
СЕРОВА

**Под горячую
руку**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Сыворотка правды
Серия «Секретный агент Багира»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166988

Под горячую руку. Сыворотка правды: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет;

М.: 2000

ISBN 5-04-004642-1

Марина Серова

Сыворотка правды

«При внутривенной инъекции допрашиваемому препаратов барбитуратной группы (скополамин, натрий-амител, натрий-пентотал) у последнего снимается сознательный самоконтроль и высвобождаются глубинные, истинные переживания и установки...»

Методика позволяет вопреки желанию допрашиваемого извлекать из его памяти информацию, расположенную на подсознательном уровне...

По окончании действия инъекции препарата барбитуратной группы допрашиваемый не в состоянии вспомнить содержание вопроса...»

Методические указания к курсу К-ТД-467

Светлана Алексеевна ехать в Таджикистан не хотела. Выборы в Госдуму были не за горами, а главный противник нашего председателя тарасовского Комитета солдатских матерей – подполковник запаса Смирнов – уже показал себя фигурой серьезной и решительной.

– Помяните мое слово, будет у нас диктатура почище пиночетовской! – пыталась то ли запугать, то ли перетасщить на свою сторону подчиненных Светлана Алексеевна.

«А что нас перетаскивать, – подумала я. – Подчиненный и так, ввиду своего положения, всегда шефа поддержит».

– Вот победите на выборах, пройдете в Госдуму, и никакой диктатуры не будет, – утешила я свою председательшу. – Вы, кстати, подумали, кто вас заменит, если вы в Москву уедете?

– Думала, – сосредоточенно затеребила поясок платья Светлана Алексеевна. – Вы.

Я усмехнулась и покачала головой:

– Ну да, вы там армию профессиональной сделаете, беспредел сразу прекратится, и мы все разом потеряем работу. Кого защищать, если беспредельничать перестанут?

Светлана Алексеевна попыталась понять, насколько серьезно я это говорю, и я рассмеялась:

– Да шучу я, не принимайте все так близко к сердцу.

– Шуточки у вас, Юлия Сергеевна! – недовольно хмыкнула Светлана Алексеевна. – Станные какие-то.

– Не переживайте, – мягко поспешила я ее успокоить. – Проводите свою кампанию, а в Душанбе я съезжу.

– Вот и отлично, – улыбнулась Светлана Алексеевна. – Хорошо, что вы понимаете.

Конечно же, я понимала. Потому что командировка в Таджикистан была придумана и организована неким Андреем Леонидовичем Суровым, более известным в определенных кругах под псевдонимом Гром, именно для меня. Но Светлане Алексеевне знать об этом было необязательно – пусть себе готовится к битве за политический Олимп.

Задание мне досталось курьерское: приехать, выйти на

связь, получить пакет и вернуться домой. Впрочем, я и этому была рада: квартира вычищена до блеска, «хвосты» на работе подобраны, и я уже начала испытывать глухое томление от избытка нерастраченной энергии... привычный «синдром донора»: не отдашь «лишнюю» кровь – начнутся недомогания.

Через сутки я уже пересекла казахстанскую границу. Входили и выходили на железнодорожных станциях пассажиры, проверяли документы ребята из транспортной милиции в России и полиции – в Казахстане, острым наметанным взглядом оценивали багаж таможенники...

Попутчики большей частью жаловались. И конечно, на власть: наши – на нашу, казахстанцы – на казахстанскую. Я терпеливо все трое суток вникала в нужды соседей по купе и, чем дальше, тем больше, приходила к мысли, что у нас только последний дурак захочет баллотироваться в президенты.

Лишь на ташкентском вокзале жалобы разом – как по команде – прекратились. Народ заговорил на узбекском и выглядел деловитым, озабоченным, но никак не затравленным. Я внимательно вглядывалась в людей и постепенно понимала: уровень недовольства жизнью никак не соотносится с реальным уровнем этой самой жизни – можно ездить на джипе и чувствовать себя самым несчастным из смертных.

Узбеки на нытье и жалобы время не тратили. Повсюду – чайханы, шустрые темноглазые подростки сновали туда-сюда с огромными цветастыми тюками, базар кипел неудовле-

творенными восточными страстями, в целом город жил напряженно и целеустремленно.

Зато на узбекско-таджикской границе жизнь как-то сразу остановилась: автобус в ожидании таможенников простоял восемь часов, и, когда нас все-таки досмотрели и пропустили, пассажиры не могли скрыть своего удовлетворения.

– Прошлый неделя, – сказал мне полный улыбочивый сосед, – они двадцать шесть часов аптобус держаль. Даже шофер такой не видель.

К исходу пятых суток пути я добралась до Душанбе. Серо-черные халаты и тюбетейки стали доминирующей формой одежды, лишь изредка разбавленной камуфляжем небольших групп российских военнослужащих. Это выглядело, как пятна весенней травы на холодном каменистом склоне. Я почему-то вспомнила что-то из раннего детства: «Марионеточный режим президента Панамы держится исключительно силой оружия Соединенных Штатов. Иначе разгневанный народ давно бы сверг ненавистное правительство».

Я поразились глубинной лживости тогдашней цековской оценки: было очевидно, дай в такой ситуации волю «народу», и арыки заполнятся трупами не только иностранных подданных и солдат, но и собственных изнасилованных и растерзанных сограждан. «А может быть, так и надо? – задумалась я. – Имеет же народ право на самоопределение, даже если это самоопределение – трупы, безграмотность, разруха

и произвол немногих...»

Как ни странно, в Душанбе меня ждали. Когда я, по настоянию Грома, дала из Ташкента телеграмму, то на это даже и не рассчитывала.

— Юлия Сергеевна? — подошла ко мне беленькая дама, едва я сошла с автобуса. — Здравствуйте, меня зовут Софья Александровна. Где ваши вещи? Это все?

Я хотела было удивиться, как это меня так сразу опознали, но потом поняла, что во всем автобусе я одна приехала не в национальной одежде.

В Таджикистане все прошло как по нотам. Краткий визит в российское консульство, ужин в офицерской столовой, несколько часов тряски в машине, четыре часа сна в общезимней при какой-то части, еще четыре часа в машине и, наконец, пункт назначения.

Когда мы прибыли, мне самой впору было оказывать медицинскую, гуманитарную и прочие виды неотложной помощи: немытое тело чесалось, обожженное солнцем лицо горело, а глаза слипались. Высокогорный воздух плохо защищал от беспощадного ультрафиолета. Я сразу помчалась в местную гостиницу и, изнемогая от нетерпения, получила ключи, вбежала в свой двадцать третий номер, кинула сумку, стянула пропахшую потом и пылью одежду и нырнула под душ! Моему разочарованию не было предела — вода только называлась холодной, изо всех кранов текла одинаковая, примерно сорокаградусная желтоватая жидкость.

«Сервис, мать вашу!» – ругнулась поначалу я, но потом подумала, что от полуразрушенной, затерявшейся в религиозно-племенных противоречиях страны грех требовать большего. Я посмотрела на часы: 10.30 – я вполне могла посмотреть сегодня, что там творится в воинской части, и даже успеть на местный базар.

Часть располагалась рядом с военным аэродромом, и, наверное, поэтому солдатики находились в относительно благоприятных условиях.

– Проблем – море, – честно признался командир полка Сергей Довлатович. – Делаем что можем... Воду – кипятим, баню отстроили, только с пропаркой белья – трудности.

– Вши? – догадалась я.

Сергей Довлатович молча кивнул и вздохнул:

– Не было. Долго не было. Теперь боремся вот...

Тарасовских ребят я проверила быстро. Жалобы матерей были, в общем-то, необоснованными – если не считать закономерного, в общем-то, желания каждой из них, чтобы сын служил от боевых действий подальше, а к ней поближе. Один парнишка сломал палец на ноге, слезая с «брони», другой перенес кишечную инфекцию и теперь выглядел, как узник Заксенхаузена, еще двое, похоже, попали под пресс старослужащих, и в этом я собиралась детально разобраться. «Попозже разберешься, Юленька, попозже, – скороговоркой уговорила я себя. – Выйдешь на связь, выполнишь задание, а уж тогда... Нужно еще на рынок успеть, а то время поджи-

мает!»

Я попрощалась с Сергеем Довлатовичем, пообещала прийти завтра с утра и даже выпросила машину, чтобы добраться до города, – с транспортом в небольшом таджикском областном центре было неважно.

В установленном месте, а это были мясные ряды местного базара, и в установленное время никого похожего на связного не было. Я, как последняя идиотка, тридцать минут ковырялась в мясе, только понапрасну обнадеживая несчастных торговцев-таджиков. Они уже скинули для меня цены чуть не вполтину, видимо, искренне полагая, что раз я полчаса торчу возле них, то уж никак без покупки не уйду. И вот тогда меня дернули за рукав:

– Вам нужен дейс-твитель-на хароший мясо?

Я оглянулась, но никого не увидела.

Меня дернули за рукав еще раз. Я опустила глаза вниз: маленький таджикский мальчик смотрел на меня снизу вверх настороженно и серьезно.

– Вам нужен дей-ствитель-на хароший мясо? – тщательно проговаривая трудные русские слова, повторил он пароль.

– Не помешало бы, – механически произнесла я отзыв.

– Тагда вам нужен пойти со мной, – с облегчением сказал он.

Я растерялась – до этого дня разведка детей в свои дела не вовлекала.

Мальчик развернулся и вприпрыжку побежал вперед, и

мне ничего не оставалось, как последовать за ним. На выходе с базара мы протиснулись в разбитый старый «пазик» и, проехав шесть остановок, оказались в районе одинаковых белых пятиэтажных «хрущевок». Мальчик приглашающе махнул рукой и помчался вперед.

Район был полумертв: выжженная солнцем, вытоптанная земля газонов, следы костров, разбитые стекла нижних этажей... Я прошла мимо группы подростков, сосредоточенно тянущих общий «косяк», двух бабушек на почти разрушенной скамье, русской женщины с темноглазым ребенком на руках, двух девиц в национальных штанишках, несущих ведра с водой, и вскоре входила в подъезд. На четвертом этаже мальчишка забарабанил в дверь, и через миг молодая таджичка, ни капли не удивившись, впустила меня в квартиру.

Она молча провела меня в спальню. Здесь на положенном на пол матрасе лежал крупный крепкий таджик. Рядом с ним стоял пустой тазик, чайник, пиала и остро пахнущая медикаментами коробка.

– Вы от Андрея Леонидовича? – с трудом спросил таджик. Ему было очень плохо. Пот катился по лбу, а загорелая дочерна кожа приобрела неестественный пепельный оттенок.

– Да.

– Возьмите, – протянул он мне маленький сверток. – Здесь дискета. Отдайте ее Андрею Леонидовичу. Хотя уже, наверное, поздно.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Вряд ли.

Таджик говорил на прекрасном, без малейшего акцента, русском языке. Девушка что-то расстроенно сказала ему на своем и посмотрела на меня.

– Он умрет, если останется здесь. Он ранен.

Я повернулась к мужчине.

– Это бесполезно, – тихо сказал он. – Меня ищут. Я не проеду и квартала. Лучше уходите. – Он повернулся к девушке и сказал ей что-то – коротко и жестко. Она сердито развернулась и, хлопнув дверью, вышла вместе с мальчиком из квартиры.

– Она хорошая, – тихо сказал таджик. – Но она не понимает.

– Я могу доставить вас в госпиталь, – предложила я.

– Все бесполезно, – сказал он. – Это – конец. Группа уничтожена, остался только я. Им помогут из Москвы, и тогда они найдут и меня.

– Вот что, – я поднялась. – Как вас звать?

– Называйте меня Аладдин.

– Хорошо, Аладдин. Давайте рискнем. Военная часть вас устроит? Никто вас там не тронет.

– А-а... Сергей Довлатович?..

– Да-а, – удивленно протянула я, не понимая, почему он еще не там, если знает командира полка.

– Довлатыч – мужик хороший, но и он не спрячет. Меня и в Москве не спрячешь. Не тот случай.

Я засунула дискетку за пазуху, подумала и отправила туда же паспорт. В конце концов, каждый сам выбирает, бороться ему за жизнь или нет.

– До свидания, Аладдин.

– Прощайте.

Дверь хлопнула, и я обернулась – сзади стояли два молодых таджикских парня. Я прикинула: в окно не выпрыгнешь – четвертый этаж.

Один громко и радостно крикнул что-то через плечо, и в дверях квартиры появился мужчина постарше.

– В общем, так, больной, – громко обратилась я к Аладдину. – Больше питья и строгий постельный режим! Завтра я вас навещу... Разрешите, – нахально протиснулась я мимо парней и направилась к двери.

Парни растерянно отодвинулись.

– Подождите, – остановил меня в дверях высокий сухой мужчина с европейскими чертами лица. – Вы кто?

– Вторая поликлиника. А что?

– Ваши документы.

Я растерянно полезла в сумочку.

– Я с собой не взяла... А вы кто?

– Дайте-ка вашу сумку, – проигнорировал мой вопрос мужчина.

– А что?

– Дайте сюда, я сказал!

Я протянула и возблагодарила высшие силы за то, что за-

годя вытащила паспорт.

Мужчина порылся в сумке в поисках чего-нибудь важного, но, ничего не найдя, вернул сумку мне.

– Вам придется задержаться.

Я взяла сумку и послушно встала рядом.

– Отойдите от двери, – потребовал русский.

Я отошла.

В дверь зашли еще два человека.

– Ну что? – спросил один у русского.

– Он здесь.

– Алик, родной, ты здесь?! – радостно крикнул один из вошедших и прошел в спальню. – А то я уж думал, ты в Москве! Жалуешься... Видишь, как хорошо, что я тебя нашел!

Он отдал команду на незнакомом мне языке, и парни подхватили и поволокли Аладдина через комнаты к выходу.

– Что вы делаете? – с профессиональной медицинской отвагой возмутилась я. – Больного нельзя транспортировать без носилок!

– Вас не спросили, – парировал русский.

Мужчины проволокли Аладдина через квартиру, вытащили за дверь и понесли вниз. Теперь мне оставалось только незаметно исчезнуть.

В дверях появился еще один «персонаж» – толстый, потный мужик в мятой милицейской рубашке с полковничьими погонами.

– Все чисто? – спросил он у русского.

– Все, Алиакпер Букеевич, – подтвердил тот.

– А это кто? – показал он пальцем на меня.

– Врачиха. Из поликлиники.

Алиакпер Букеевич мельком глянул в глаза русскому, и я поняла, что для меня ничего еще не закончилось.

– Проедете с нами, – сказал толстый и вышел за дверь.

Русский жестко взял меня за локоть и повел вслед за ним по ступенькам.

«Черт! – думала я. – Этого еще не хватало! Как бы сорваться?! Надо сразу во дворе».

Когда мы вышли из подъезда, во дворе стоял добрый десяток российских спецназовцев в беретах, с закатанными по локоть рукавами и автоматами на изготовку. Моего «большого» как раз в этот момент засовывали в клетку милицейского «УАЗа».

«Черт! – еще раз ругнулась я. – Чем ты там занимался, Аладдин?! И почему выбрал Грома в душеприказчики?» Я глянула в холодные серые глаза наших русских парней и поняла: если побегу – живой и за угол не заверну. «Ладно, – решила я. – Менты – не самое страшное; технология выхода мне в принципе известна».

Меня посадили в клетку, спецназовцы запрыгнули в «рафик», и четыре машины тронулись и помчались по улицам областного центра. Мы проехали через площадь, проскочили мимо облУВД, мимо здания следственного изолятора и

только тогда, когда возле военного городка «рафик» со спецназом отделился и поехал по своим делам, я поняла, что «попала», – меня везли за город.

Я стремительно начала анализировать все, что знала о ситуации, не забывая запоминать дорогу. Но понять ничего толком не могла. Я допускала тот вариант, что интересы внешней разведки ФСБ пересеклись с интересами таджикского руководства. Отсюда – и этот «захват». Но оставалось непонятным участие в операции российских военных. Такое бывает, когда берут обоюдоопасного преступника, но при чем здесь тогда Гром? Мне оставалось предположить, что или Андрей Леонидович Суров – предатель, или я стала участницей одной из тех жутких операций, когда структура пожирает собственных подчиненных – естественно, во имя высших целей. Ни то, ни другое предположение мне не нравилось.

Мы двигались в южном направлении около трех часов, потом машины резко свернули вправо и, пропылив километра четыре по каменистой дороге, въехали в село и остановились у белого глинобитного забора.

– Выходи! – открыл мне дверь милицейский полковник, и с этой минуты на «вы» ко мне никто не обращался.

Меня провели в крытый железом сарай и заперли. Здесь было невероятно душно. Когда-то хозяин из соображений престижа, наверное, соорудил металлическую кровлю, и теперь здесь была настоящая преисподня. Я тщательно изучи-

ла возможности для побега, но таковых не наблюдалось – стены были необычно высоки, а у дверей стоял вооруженный автоматом молодой парень.

– Эй! Я в туалет хочу! – забарабанила я в дверь. Мне ответили на фарси, и я поняла: это безнадежно.

Вскоре я услышала крик – кричал мой «связной». На некоторое время наступала тишина, и крик повторялся снова. Аладдина пытали где-то далеко, может быть, за пятью или шестью стенами, но человек кричал громко и отчаянно.

Я пощупала дискету... Надо было решить, избавляться от нее или нет. Теперь я понимала, что Гром не предатель и силовые структуры не пожирают своих «детей» – реализуется какой-то третий вариант. В этой ситуации дискета могла приобрести особое значение. «И потом, – сказала я себе, – не рассчитывай, что они тебя выпустят живой... Если ты сама не приложишь к этому усилий». Есть у меня на руках дискета или нет – большой разницы в судьбе не предвидится.

Мой «связной» все кричал и кричал. На некоторое время он замолкал, но тогда начинали недовольно орать палачи – видимо, он терял сознание. Я еще раз обошла сарай в поисках чего-нибудь железного, но, кроме уверенности, что даром мне эта «командировочка» не пройдет, ничего не обнаружила.

Дверь распахнулась.

– Выходи! – громко крикнул мужчина в стеганом черном халате, и я, щурясь от яркого электрического света, вышла.

На дворе стояла ночь. Где-то недалеко ритмично урчал двигатель, видно, работала мини-электростанция.

– Вперед! – скомандовал мужчина, и я пошла.

Он провел меня в большую темную комнату, затем подвел к какой-то двери, стукнул, что-то крикнул, и, когда дверь открылась, меня впустили внутрь.

Здесь, среди ковров и подушек, сидел пожилой мужчина, и я вдруг отметила, что не видела в этом доме ни одной женщины. Впрочем, и меня здесь почти что не было – никто меня просто не замечал. Для них я была чем-то вроде подушки или подставки для обуви – видят только тогда, когда нужна. Пока я никому нужна не была.

Дверь распахнулась, и на пороге появился уже знакомый мне милицкий полковник. Он, похоже, только что умылся, на воротах виднелись еще не высохшие капельки воды, а на манжетах синей рубашки – пятна крови. Пожилой сказал что-то, указав на кровь, но милицкий отмахнулся: мол, и так сойдет... И только тогда он заметил меня и что-то недовольно спросил.

Пожилой ответил – раздраженно и жестко.

Милицкий взмахнул рукой и сказал что-то резко и решительно, проведя рукой по горлу.

Пожилой пожал плечами: мол, делай, как знаешь...

Милицкий с неудовольствием посмотрел на меня и вышел за дверь.

«Все, Юленька, – сказала я себе. – Кончилась до срока

молодая жизнь!»

– Эй! – обратилась я к пожилому. – Зачем меня сюда привезли?

Пожилой не ответил.

– Я вас спрашиваю!

– Заткнись! – обрубил пожилой.

И в этот момент за дверью громко и отчетливо протрещала автоматная очередь.

Пожилой вскочил. Дверь распахнулась, и в нее ввалился залитый кровью толстый полковник. Он упал на ковер, попытался встать, но не смог и, мыча от боли, пополз к стене.

Пожилой быстро отогнул висящий на стене ковер и исчез за ним, а в дверь, один за другим, ввалились четверо парней с автоматами.

Я вжалась в стену.

Парни бегали по комнатам, возбужденно кричали, пытались что-то выяснить у меня, тыкали милиционера стволами в лицо, но тот уже уходил.

Среди них появился один постарше. Он подошел ко мне, усмехнулся, сказал что-то парням и вышел. Я судорожно оценивала обстановку: ситуация менялась стремительнее, чем я успевала что-то решить. Проход к коврам был постоянно перекрыт кем-нибудь из парней, но хуже всего было то, что я не знала, стоит ли мне вообще пробовать скрыться за ковром. Если это был просто тайник, а не полноценный выход наружу, мне такая попытка сбежать могла стоить жизни

– парни определенно оставляли впечатление невменяемых. «Под кайфом!» – догадалась я.

Один из них подошел ко мне и потащил на улицу. Здесь меня еще раз показали старшему, получили какое-то указание и начали вязать.

– Я ничего не сделала! – старательно плача, громко объясняла я. – Отпустите!

Но старший делал вид, что не слышит меня, а парни, похоже, ничего не соображали. Один изловчился и выдернул у меня из уха золотую серьгу, и я еле удержалась, чтобы не лягнуть его в пах – этот придурок был весь открыт, как у себя в постели. Но я удержалась, ведь бой с ними в этом доме мне был невыгоден.

Я, глотая слезы, тоскливо оглядывала высокие стены, но бежать не пыталась. Я знала, что эти ребята даже в горах у себя дома, а мне и кишлак не защита.

Меня посадили в тот самый «уазик», на котором привез меня сюда милицейский полковник, только не в клетку, а на заднее сиденье, между собой, и машина тронулась. Я попыталась сориентироваться, но это становилось все труднее и труднее. Тьма была полная, дорога постоянно петляла, и определенно я знала только одно: меня везут все дальше и дальше от цивилизации – дорога становилась все уже и уже, а «УАЗ» подпрыгивал на камнях все сильнее и сильнее. Еще несколько раз пыталась я привлечь внимание к себе, но старший просто не поворачивался.

Часа через три машина остановилась, и старший вышел. Потом вернулся, отдал распоряжение, и меня потащили куда-то пешком.

Я непрерывно оценивала ситуацию для побега. Но, похоже, она с каждым часом становилась все хуже. Меня подвели к саманному строению, и оттуда вышел старик. После недолгих переговоров старик кивнул, и вскоре молодые парни, видимо, его сыновья, привели лошадей. Притащившие меня сюда люди куда-то торопились, и я поняла: они хотят перевезти меня до рассвета.

Я попыталась подсчитать расстояние отсюда до города. Получалось около шести часов езды, то есть километров двести пятьдесят.

«Что это может быть? – думала я. – А вдруг они хотят выкуп? И кто же будет плательщиком?»

«А никто не будет! – оборвала я сама себя. – Какой, на хрен, за тебя выкуп?! На маковых плантациях работать будешь!»

Мне засунули в рот кляп, посадили в седло, крепко привязали ноги и руки, чтобы я не смогла сползти. Делали они это умело, я бы сказала, профессионально. Через три-четыре минуты сзади меня в седло вскочил джигит, и мы тронулись.

Тропа была узкой, но протоптанной. Мягкий металл подков почти не цокал, и я знала, что стоит нам подойти к реке, и тогда даже этот размеренный звук просто растворится в реве горного потока. Впервые за ночь оказавшись на откры-

том горном воздухе, я начала мерзнуть, и джигит снял свой халат и накрыл меня. Я промычала сквозь кляп звук благодарности, но джигит на это не купился и кляп не вынул.

Через пару часов я слышала шум реки. Октябрьская сушь и ночь – пока солнце не освещало ледники – привели к падению уровня воды, но река все равно внушала уважение.

Здесь команда разделилась, и один из тех, что оставались на этом берегу, подъехал поближе и больно выдернул у меня и вторую серьгу.

Лошади вошли в воду. Они где плыли, где шли, и снова плыли, и снова шли. Река то подхватывала этих крупных животных и вместе с нами стаскивала метров на двенадцать вниз по течению, то отпускала, и лошади, найдя дно, упорно продвигались вперед. Я вцепилась пальцами в седло: мощь реки была ужасающей. Только когда моя лошадь выскочила на берег, я почувствовала, что снова могу вздохнуть полной грудью.

Двое оставшихся со мной джигитов провели лошадей метров пятьдесят по сухой части русла и пустили вверх по невысокому осыпающемуся обрыву. Теперь мы были на другом берегу.

«Ну вот тебе и командировка!» – невесело сказала я себе.

Километра через полтора джигит, ехавший вместе со мной, вытащил мне кляп и тут же содрал с меня последнюю золотую вещь – маленький перстенок с хризолитом, подаренный мне мамой в день семнадцатилетия.

– Я тебя запомнила, парень, – внятно сказала я ему. – Даром тебе это не пройдет.

Думаю, он меня понял.

Мы ехали весь день. К полудню яркое синее небо заволокло черными тучами, и повалил снег. Но через час солнце снова появилось, а через два на небе не было ни единого облачка. Вскоре после заката мы подъехали к одиноко стоящему на склоне горы строению.

Джигиты стащили меня с лошади и провели в низкую дверь в высоченной глинобитной стене. Они долго объяснялись с хозяином, и меня, изнемогающую от усталости, провели в комнату и закрыли снаружи на засов.

Я попыталась найти окно и не нашла – в этой комнате окон просто не было! И тогда я легла на ковер, на ощупь нашла и подтянула под голову подушку, приказала себе проснуться ровно через семь часов и отключилась.

Когда я проснулась, в доме стояла тишина. Страшно хотелось в туалет, ведь эти придурки только один раз меня и спустили с лошади – вчера в полдень... Сейчас должно быть около пяти утра. Солнце в октябре встает позже.

Я встала и разминалась до тех пор, пока тело не стало упругим и работоспособным. И тогда я села в позу «лотоса» и замерла. Постепенно ум прояснился, остатки вчерашней паники окончательно рассеялись, и мысль заработала быстро и четко.

Сначала я отобрала все плохое: я не выполнила зада-

ние. Нахожусь за пределами юрисдикции российских органов правосудия. Конечно же, я сбегу, но район для меня незнакомый, можно и заплутать.

Потом я перебрала хорошее: жива, здорова, не запугана, дискета – со мной.

Хорошего получалось больше.

Дверь открылась, и на пороге появился мужчина в халате и чалме. Он кивнул и пригласил меня выйти.

«Ну вот, – подумала я. – Развязка близится».

Он провел меня во дворик и жестом пригласил сесть на ковер.

Я подчинилась.

Он спросил меня о чем-то, скорее всего на фарси, и я непонимающе развела руками.

Немного помолчав, он повторил вопрос на каком-то тюркском языке, по-моему, узбекском.

– Я не понимаю, – сказала я.

– Вы говорите только на русском? – усмехнулся он, и я поняла, что он просто играет, наслаждается своим всевластием.

– Ну почему? – возразила я. – Знаю немецкий – в пределах вузовской программы, конечно.

– Кто вы?

– Юлия Сергеевна Максимова, врач-терапевт. Что меня ждет?

– Ничего страшного, – улыбнулся собеседник. – Работа –

как и везде...

Он говорил по-русски свободно, абсолютно без акцента, как на родном, и оставлял впечатление вполне образованного человека.

– Пойдемте.

– Куда? – поднялась я.

– На ваше новое место жительства.

Он повернулся и пошел, но на полпути остановился и обернулся:

– И, кстати, не пытайтесь бежать. Некоторые пробовали, но это всегда кончается одинаково.

– Как? – поинтересовалась я.

– Посмотрите вон туда.

Я вгляделась туда, куда он указывал. За забором на шесте виднелся темный округлый предмет.

– Я не рабыня, запугать меня сложно.

– Вы так думаете, Юлия Сергеевна? – иронично выгнул бровь собеседник. – Или знаете это наверняка?

– Убеждена. Кстати, вас-то как звать?

– Хафиз. Но вряд ли вам понадобится мое имя. – Он подвел меня к дверному проему, закрытому занавесом, и указал на него рукой.

– Поживем – увидим! – сказала я и шагнула за плетеную занавеску.

Здесь моим глазам открылся еще один, крытый навесом двор. Только в самом его центре несколько квадратных мет-

ров не были покрыты, и именно оттуда во все уголки двора поступал солнечный свет. Слева от нас сидела группа женщин в темных балахонах.

Едва мы появились, одна из них встала и подошла. Это оказалась черная высохшая старуха. Хафиз что-то сказал ей, и старуха поклонилась, взяла меня за руку и повела за собой.

«Черт! – подумала я. – Как они уверены в своем праве решать чужую судьбу!»

Старуха подвела меня к группе и указала жестом на свободное место.

– Эй, – прищурилась я от переполнявших меня чувств. – А где у вас туалет?

Старуха сверкнула глазами и повторно указала мне на цинковку.

– Послушайте, это – потом! – почти крикнула я. – Где туалет?! Что, мне и это языком жестов показывать?!

Меня не понимали.

Еще немного, и мне придется показывать модернизированный «на злобу дня» танец живота!

Она внимательно посмотрела мне в глаза и, видимо, все-таки поняв проблему, по-хозяйски взяла за руку и повела через двор, затем – по узкому лабиринту мимо забора и, наконец, подвела к сараю, указав на ворота рукой.

Я вырвала руку и метнулась внутрь. Здесь все стало ясно. В огромном сарае стояли только две лошади, но зато среди редких пучков соломы то здесь, то там во множестве видне-

лись «продукты переработки» человеческого организма. Это было круто.

Я присела и подумала, что, в сущности, так жили почти все поколения не только старухиных, но и моих предков; что такое «удобства» успела познать разве что моя бабушка... «Господи! – дошло до меня. – А как же мыло, зубная щетка, крем для рук?!» Теперь я знала, что такое «полный кошмар».

Старуха терпеливо ждала меня у выхода и, только я появилась, потащила меня обратно и снова подвела к циновке и указала мое место. Мыть руки здесь принято не было. Я села.

Передо мной тут же оказался грубый джутовый мешок. Старуха опрокинула его слева от меня и выгребла сухой черной кистью на расстеленную ткань горстку риса. Все стало понятно. Рис следовало сортировать: целый – отдельно, битый – отдельно. Мелкие белые камешки – отодвигать в отдельную кучку.

Мы сидели, как лепестки одного цветка, с общей кучкой мусора посередине. Но только эта кучка и была у нас общей. Я вгляделась: каждая женщина отделяла битый рис от целого и складывала в свои мешки. «Тут, наверное, еще и норма есть! – подумала я. – Выполнишь – поешь...»

Я начала перебирать свой мешок риса и думать. Убивать меня, по крайней мере сейчас, не собирались. Моя судьба могла измениться только в том случае, если возникнет подозрение, что я имею отношение к Аладдину. День езды на ло-

шади равен полутора дням пешего хода, но здесь – больше. Если выйти ночью, к утру я буду где-то на полпути к городу. А к полудню моя отпиленная кривым ножом голова уже будет торчать на шесте... Меня это не устраивало. Я отметила, что охрана здесь либо вообще отсутствует, либо настолько дисциплинирована, что не позволяет себе даже любопытствовать, что за новый пленник появился в доме. До этих пор я не видела никого.

Старуха крикнула и ударила меня по рукам. Я подняла голову. Старая ведьма ткнула пальцами в уже отобранную мной кучку чистого непобитого риса и сунула мне под нос зернышко – оно было отщеплено с края. Похоже, она успевала не только перебирать собственный мешок, но и следить за качеством работы остальных.

Я послушно закивала и с утроенным усердием ринулась просматривать уже перебранные кучки.

В полдень все, как по команде, поднялись и дружно переместились на другую циновку. «Обед!» – догадалась я. А есть хотелось невероятно.

Так оно и было. Из-за одной из плетеных занавесей появилась молодая женщина с закопченным казаном в руках; из-под крышки вырывался сытный тяжелый пар. Молодуха поставила казан на циновку, снова исчезла за занавесью и вынесла огромное глиняное блюдо и что-то типа узкого и длинного половника. Поставила блюдо рядом с казаном и аккуратно выложила оставшуюся в казане желтоватую кашу на

блюдо. Мои «сотрудницы» сразу воодушевились и весело защебетали. Я их понимала. Пустой казан отнесли на кухню. Я прикинула: здесь нас было семеро женщин, и до нас дошла примерно половина казана. Мужская порция должна быть больше. Значит, перед нами повариха накормила от трех до пяти мужчин. Скорее всего четверых, – решила я.

Когда принесли чайник и пиалы, мы уселись вкруговую и принялись за еду. Теперь я смогла спокойно разглядеть своих новых «сотрудниц» и пришла к выводу, что это – члены одной семьи и, возможно, сестры. Две из них и вовсе были подростками – лет четырнадцати-пятнадцати...

Каша оказалась пресной и какой-то пыльной на вкус, без соли и масла. Она с трудом шла в горло, и я чуть ли не каждую щепоть каши запивала «чаем» – таким же безвкусным отваром неизвестной мне травы. Так невкусно я еще никогда не ела!

Девчонки болтали и посмеивались, иногда, как мне казалось, надо мной, но я безразлично и размеренно отправляла в рот то очередную взятую с блюда рукой горсть каши, то очередной глоток отвара.

«Интересно, – внезапно подумала я. – А для кого я рис перебираю? Для этого Хафиза?»

Послеобеденного отдыха не было. Девчонки одна за другой волоком притащили себе по новому мешку, и я поняла, что отстаю от них чуть ли не в два раза.

До заката я успела перебрать только один мешок. Девицы

отпускали в мой адрес откровенно презрительные реплики – сами они перебрали по два.

«Ну вот, – подумала я. – Нормы нет – кормить не будут... Надо было мне фарси учить, а не всякие там европейские – я бы им устроила „бабий бунт“!»

Старуха повела всех за одну из занавесей, зажгла «жирник», и здесь, почти в полном мраке, женщины начали раздеваться. «В этом доме ни для кого ужина не будет! – дошло до меня. – Тотальная диета!»

Мой бюстгальтер вызвал у дам неподдельный интерес, а когда девушки увидели и мои трусики, их глаза поразезжались в разные стороны, как у мультяшных героев.

– Париж! – соврала я. – Смотрите! Больше до конца жизни, наверное, не увидите...

Старуха зашикала, и они поспешили под покрывала почти одетые – похоже, что на ночь они снимали только верхнюю одежду.

Я легла и почувствовала, как тоскует мое брренное тело по привычному вечернему салатику.

Я глянула на притихших своих соседок и внезапно поняла: есть только один способ что-нибудь изменить в их судьбе – хотя бы неделю кормить иначе. Может, тогда они поймут, что бывает и другая жизнь...

Три раза за ночь я просыпалась, а один раз даже сходила в сарай, к лошадям, но о том, чтобы устроить нормальную разведку, не могло быть и речи: как только я приподнима-

лась с матраса, старуха моментально просыпалась и затаивала дыхание. Похоже, бабка за много лет собачьей жизни отработала великолепные охранные рефлексy.

Утром я поднялась раньше остальных, похвалила себя за то, что взяла в командировку не стесняющие движений брюки, вышла во двор и начала делать зарядку в духе «аэробик-стайл». И когда я почувствовала, как запело тело, как кровь дошла до каждой клеточки, сзади раздался напряженный шепот. Я приостановилась и оглянулась: весь «бабский батальон», выстроившись полукругом, с ужасом в глазах смотрел на меня. А на кровле полулежал и с интересом наблюдал за мной закутанный в халат «часовой».

– Йо-ху! – завопила я и завершила разминку простеньким сальто.

Под навесом воцарилась похоронная тишина.

– Ой-бой?! – вырвалось у самой молодой, и это случилось у нее так искренне, так радостно и удивленно, что я рассмeялась – здесь переводчик был не нужен.

На разборки к Хафизу меня потащили минуты через две.

– Что, бабка, заложила?! – поинтересовалась я у старухи, но она только яростно сверкнула глазами в ответ.

Хафиз сидел под навесом на ковре, облокотившись сразу на несколько маленьких подушечек, и пил чай. То, что это настоящий зеленый чай, мои ноздри ощутили еще за шесть-семь метров.

– Я попросил бы вас, Юлия Сергеевна, не устраивать боль-

ше подобного цирка.

Я еще раз поразилась его великолепному знанию русского языка.

– Вы где учились? – вместо ответа спросила я. – В МГУ?

– Вы поняли то, что я вам сказал? – тоже уклонился от ответа Хафиз.

– Я привыкла к здоровому образу жизни, – пожалала я плечами. – Я не хочу, как они, – кивнула я головой в сторону «женской половины дома», – помереть в сорок пять лет глубокой старухой.

– Вы умрете гораздо раньше, если не будете исполнять наших простых правил.

– В первый раз слышу о каких-то особых правилах! – засмеялась я.

– Это – мое упущение. С сегодняшнего дня вам выдадут приличествующую вашему положению одежду. А это, – он указал на мои брюки, – мы сожжем...

– Ага, щ-щас! – возмутилась я.

– Пойдемте! – почти крикнул Хафиз, схватил меня за руку и потащил куда-то по коридору.

«Блин, крепкий мужик! – подумала я. – Но один на один я тебя все равно сделаю!»

– Нельзя ли полегче?! – запротестовала я, но он упрямо протащил меня куда-то на зады дома и подвел к ровной площадке.

Когда мы пришли, я все поняла. На добела выжженном

солнцем, вытоптанном участке земли виднелись шесть одинаковых круглых, закрытых решетками отверстий. Это были ямы. Хафиз подвел меня к одной из них.

– Фарух! – крикнул он.

Из ямы раздался то ли стон, то ли рык.

– Здесь сидит твой соплеменник. Уже второй день, – пояснил он.

Я присела рядом с ямой и заглянула вниз. Там что-то шевельнулось.

– Соплеменник – это как? – не поняла я. – Гражданин России?

– Русский.

– А почему – Фарух?

– Он принял нашу веру.

Я встала.

– Я думала, вы с единоверцами гуманнее поступаете.

– Правила едины для всех, – с каким-то ожесточением сказал Хафиз.

– Правила-то едины, – пробурчала я себе под нос. – Вот только жрачка разная.

– Вы что-то сказали?

– Давно он стал... единоверцем?

– Уже два месяца.

– А у вас давно?

– С позапрошлого года. Как из вашей армии сбежал, так и у нас.

– А-а, – поняла я, – дезертир...

Хафиз развернулся и пошел. Я побрела следом. Этого «единоверца» можно было при случае и в союзники взять, но, честно говоря, мне не нравилось то, что он до сих пор не сбежал. Или трус, или «хвосты» в армии оставил...

Мы возвращались совсем не так, как прошли к ямам, и я отметила широкую деревянную дверь и два мужских голоса за ней. «Здесь мужская обслуга! – догадалась я. – Может быть, и охрана».

Дверь внезапно открылась, и на пороге появился «классический» душман – черный от горного солнца и запущенный от явного недостатка женского общества. Мужик оцепенело уставился на мой бюст, и Хафиз, жестко сказав что-то, потащил меня дальше по коридору.

– Надеюсь, вы поняли, почему здесь ваша одежда не подходит?! – раздраженно прошипел он.

– Да, конечно, – печально подтвердила я. – Им трудно видеть женщину.

– Да просто вы выглядите неприлично!

Я оглядела свои открытые руки.

– Вроде нормально...

– Нормально?! Вам было бы приятно, если бы мужчины ходили со спущенными штанами?!

– Не-а, – отрицательно мотнула я головой.

– Вот и им так же.

Я задумалась. Что-то Хафиз передернул, но я не могла со-

образить, что именно.

Меня снова провели на женскую половину дома, вручили черный балахон и серо-желтую грубую рубаху. Я поискала карманы, но ни на балахоне, ни тем более на рубахе никаких карманов не было.

Ну и фиг с ними! – решила я. Дискета и паспорт так и лежали в бюстгальтере, а ни в брюках, ни в сумочке ничего ценного, кроме четырехсот российских рублей и польской косметики, не было.

«Эх, – сказала я себе. – Меня в части уж дня три как спохватились, поди, заявили по всей форме, и в гостинице меня нет... И Гром уже сообразил. Я-то с ним на связь не выхожу!»

Я сосредоточилась и посчитала. Получалось, что Андрей Леонидович должен был встревожиться еще вчера после обеда.

Я под зорким старушечьим приглядом не без сожаления рассталась с брюками, нацепила балахон, в котором выглядела, как нищий католический монах, и снова села за переборку риса.

«На кой черт им столько надо?! – не могла понять я. – Ну мешок! Ну ладно, семья большая! Хотя сами-то они всякую дрянь едят... Может, на праздник?»

– Эй, – повернулась я к старухе. – Зачем так много? Праздник будет, что ли? – Она непонимающе смотрела на меня. Что-то хотела сказать самая младшая из девчонок – я

чувствовала, что она русский язык помнит, но дисциплина не позволяла ей сказать это самое что-то, пока не разрешено родителями.

Как я уже поняла, двуязычие было в этой семье нормой, но я фарси не знала, а из тюркских слов помнила только те, что вместе со сказками вошли в русский язык.

– Куда вам столько? – еще раз спросила я и внезапно вспомнила нужное слово. – Той?

– Той! Той! – обрадованно закивала старуха.

«Слава аллаху! Хотя какой-то контакт, – подумала я. – Какие там еще есть слова?» – но, кроме как «караван», «султан» и «гарем», ничего в голову не приходило...

Часам к четырем дня весь рис был рассортирован, и даже остатки из моего мешка девчонки дружно и удивительно поровну разделили между собой и минут за пятнадцать прикончили. Я было вздохнула, но старуха дала команду, и две молодухи вытащили из кладовки еще несколько мешков с той самой желтой крупой, кашей из которой нас и кормили, и работа началась снова.

«Интересно, – подумала я. – Что это за общежитие? На гарем не похоже. Может, они все – старухины дочери? Иначе какого черта они бы торчали в одной комнате?»

Перебирать эту крупу было не в пример легче – никаких битых зерен или камней в ней не встречалось, и нам оставалось только выбрать жесткие остья и посторонние семена. Однако что это за крупа, я, даже невзирая на свой немалый

кулинарный опыт, определить так и не смогла. Редкий, видно, деликатес – даже в кулинарные книги не попал!

У меня уже сложилось общее представление о плане дома, неизвестной оставалась только его центральная часть – та, где, вероятнее всего, были комнаты самого Хафиза. Следов какой-либо охраны, кроме той, за деревянными дверьми, я не обнаружила, а значит, мне придется столкнуться только с пятью-шестью мужчинами, да и то порознь. Никаких причин оставаться здесь дольше у меня не было, пора было уходить этой же ночью.

Под вечер на женской половине появился Хафиз, и старуха подошла к нему и что-то сказала. И по тому, как она подошла, как она сказала, как она смотрела на него, я поняла, что Хафиз – ее муж! Я огляделась по сторонам и теперь только поняла: все эти пять разновозрастных девушек – все! – его дочери; они были похожи друг на дружку и на Хафиза, как листки одного дерева... Младшая подошла к отцу, и Хафиз ласково потрепал ее по щеке.

– На вас приятно смотреть, – сделала я комплимент. Хафиз улыбнулся. – Мой отец тоже рад был бы знать, что его дочь не в плену.

По лицу Хафиза пробежала волна ненависти – я сломала ему одну из немногих минут теплого семейного счастья, когда можно не думать о деньгах, возможности провалов и подставок и о том, как он поступает с ни в чем не повинной женщиной...

– Каждый заслуживает то, что имеет! – жестко обозначил он границу между собой и мной.

– Если так, то ваша страна заслужила весь этот хаос. Я права? – не удержалась я от обобщений.

– И ваша – тоже, – не без удовольствия парировал Хафиз.

– Может быть, что-то Россия и заслужила, но только не предательство таких, как вы. Сколько лет вас в Москве обучали? Пять? Шесть?

У меня не было оснований обвинять его в предательстве, но я знала: несправедливое обвинение – лучший способ сделать так, чтобы человек раскрылся.

Хафиз весь покрылся красными пятнами, и я подумала, что он сейчас или убьет меня, или умрет сам – от гнева.

– Не вам говорить о предательстве, – тихо, но с чувством произнес он.

– Это почему же?

Старуха видела, какой яростный спор сейчас происходит, и если бы могла, то давно бы меня растерзала, рассеяла по ветру, испепелила бы взглядом... Но вколоченные служебно-сторожевые рефлексy были сильнее ненависти, прекратить мои враждебные действия, пока муж не скажет «фас», она не смела.

– Разве не вы предали всех, кто в вас поверил?!

– Это вы про Беловежское соглашение, что ли? – усмехнулась я.

– Гораздо раньше. Вы пообещали жизнь без империализ-

ма, без господства капитала – не только нам – всему миру! И вам поверили... А теперь что? Вы не просто предали свою идею! Вы ее продали!

Внезапно Хафиз остановился и выскочил за плетеную занавеску: видимо, понял, что потерял самоконтроль. Женщины смотрели на меня, как на отцеубийцу.

«Смотрите-смотрите, – усмехнулась я про себя. – Раз уж деньги на свадьбы дочерям копить за счет таких, как я, не зазорно, так терпите и мое отношение!»

В этот раз старуха долго ворочалась на своем матрасе. Я поставила внутри себя «будильник» и через два часа проснулась. Заохала, схватилась за живот, немного постонала, подползла к старухе и попыталась разбудить ее, чтобы показать, как мне плохо...

Старуха мстительно захрапела.

Я попыталась встать, упала... «Осторожно, Юленька, не переборщи!»... поднялась и, охая и стеная, пошла во двор, в сторону сарая... Отмеченного мною во время зарядки на крыше охранника не было. «Спишь, наверное, сволочь!» – весело подумала я, уже почуяв в крови буйство адреналина.

Я проскользнула в коридор, беззвучно подлетела к знакомым деревянным дверям, быстро открыла их и в мгновение оказалась у изголовья душманов. Первого я «отключила» прямо во сне, второй успел проснуться, поднять голову и даже что-то пробормотать. Но и этот ничего не смог. Я распустила его рубаху на полосы, связала обоих и заткнула

рты кляпами. Теперь их надо было прятать. Я схватила одного за ворот и волоком потащила к ямам – отсюда они были совсем недалеко. Решетка предательски скрипнула, и я торопливо спихнула его вниз, опустила решетку и задвинула засов. Теперь надо было доставить следующего. Я быстро вернулась в комнату охраны и потащила к яме второго. Тело плохо скользило по земле и все время цеплялось за что-нибудь, и когда я его толкнула вниз, то почувствовала сильное облегчение – я заметно выдохлась.

Сзади раздался шорох, я оглянулась и тут же оказалась под темной, путающейся в собственном халате тушей. Это явно был тот часовой, что дежурил на крыше.

«Зар-раза! Тяжеленный какой!» – я почувствовала себя совершенно беспомощной.

Но этот воин, похоже, меньше всего думал о безопасности своего хозяина. Почти невменяемый от близости вождя человеческого тела, он шарил в своем безразмерном халате.

«Ах ты, кобель!» – разозлилась я.

Держать меня и одновременно освобождаться от одежды ему было сложно, и он забормотал и на какой-то миг выпустил мою левую руку. Я мягко положила ее ему на рот.

– Тише, тише...

Затем легонько уперла ребро ладони в носовую перегородку и, как учили, резко нажала – на перегородку и – от себя!

Мужик замычал и, пытаясь уйти от боли, откинулся на

спину рядом со мной. В следующий миг я уже сидела сверху.
– Н-на!

Душман обмяк и уже не чувствовал, ни как ему запихивают кляп, ни как вяжут руки его собственным поясным платком, ни как сваливают в яму.

– Вот видишь, как хорошо! – счастливо прошептала я. – И тащить тебя не надо.

Я огляделась и быстро помчалась обратно в спальню. Где-то в доме должен быть и четвертый душман, но мне понадобится время, чтобы его найти. Рисковать я не хотела.

Я подбежала к занавеси на дверном проеме, когда из него уже выглядывала старая ведьма. Изобразив невыносимое страдание, я прошталась мимо и рухнула на свой матрас. «Где может быть четвертый? – пыталась сообразить я. – Может быть, у входа?»

Полежав, скрючившись, минут пятнадцать, я снова застонала, поднялась и побрела к выходу. Старуха вздохнула и, как я поняла, смирилась.

Скрывающий черты тела черный балахон был как нельзя кстати. «Не так важно, в какой цвет вы раскрашены, – говорил нам инструктор. – Важно, чтобы ваши контуры не имели привычных очертаний человеческого тела, и тогда глаз нормального „гомо сапиенс“ просто скользнет мимо».

Очередного душмана я обнаружила там, где и предполагала – у входа. Боец не спал, и мне пришлось выдержать короткую безмолвную схватку. Только в конце, когда он уже

падал, автомат с грохотом ударился об утоптанную до каменного состояния землю. Я зашипела от досады, но — делать было нечего — тихо и деловито поволокла обездвиженного воина туда же, куда и остальных. Я вдруг подумала, что похожа на паучишку, делающего заготовки на будущее, и рассмеелась.

Других душманов скорее всего в доме не было. То, что спали двое, означало, что и на посту — двое. Вряд ли они следовали армейской схеме, так что я взяла всех. Я тихо обошла комнаты, но везде было тихо и пусто, и только одну красивую деревянную дверь я оставила «на сладкое» — здесь должен находиться Хафиз.

Я потянула дверь на себя, и она открылась — тихо, послушно и безо всякого скрипа. Но тьма внутри была абсолютной, что называется, кромешной. Я пошла вдоль стены, ощупывая все ее шероховатости, пока не наткнулась на стандартную плетеную занавесь. Вдохнула — и нырнула внутрь комнаты.

В слабом лунном свете виднелись бесчисленные ковры, подушки, маленький круглый столик и больше — ничего! Я вышла из комнаты и последовала вдоль стены дальше, но уже через метр уткнулась в угол, затем — в другой. Теперь стена вела меня к выходу. Еще через метр я нащупала... железную дверь. Это было все. Хафиз имел в своем личном распоряжении только две, правда очень большие, комнаты, и одна из них была закрыта весьма надежно.

«Если он спит за этой железной дверью, мне остается или ждать утра, или попробовать прорваться через окно», – решила я и пошла к выходу. Я попробовала понять, куда должны выходить окна комнаты за железной дверью, и через две минуты убедилась: в ней не было окон. Комната граничила с такой же комнатой охраны с одной стороны и толстенной стеной, отделяющей мужскую половину дома от женской – с другой. Третья стена выходила в коридор, а четвертая – во двор. Но и эта, четвертая, стена никаких окон не имела.

«Ну и забаррикадировался мужик! – покачала я головой. – Если Хафиз спит за этой дверью, мне его не взять до самого утра!» – решила я и пошла вытаскивать из ямы своего «соплеменника» Фаруха.

В ямах уже слышалось шевеление: мои «военнопленные» определенно очухались и пытались сообразить, что теперь делать.

– Спать! – шепотом приказала я и быстро открыла решетку ямы с Фарухом.

– Эй! – позвала я. – Ты еще живой?

Снизу донесся шорох.

– Черт! – ругнулась я. – Как тебя достать?

Фарух молчал.

Я огляделась по сторонам. Где-то неподалеку должна быть лестница или что-то в этом роде... Но ничего похожего я не видела. Я тщательно обошла двор и наконец в самом углу нашла то, что искала, – длинную, метров шести, лестницу.

Я проволокла ее до самой ямы и, кряхтя от напряжения, спустила вниз.

– Ой! – услышала я оттуда.

– Что – зацепила?

– Блин, по голове! – вскрикнул Фарух.

– Надо же! – удивилась я. – Ты еще и разговаривать можешь! Давай вылезай!

Фарух засопел, закричал и, наконец, заскрипел лестницей. Я терпеливо ждала.

Он вылез, и я совершенно растерялась. В свете луны передо мной стоял на четвереньках совершенный, законченный душман – вплоть до поясного платка поверх халата.

– Домой хочешь? – сразу перешла я к делу.

– Н-не знаю, – растерялся Фарух.

– Ты хоть откуда?

– Из Тамбова.

– А как звать-то тебя – на самом деле?

– Фарух, – твердо произнес он, и я удивилась. Это был первый вопрос, на который он ответил определенно.

– Раньше как звали? – поправились я.

– Саша, – неохотно признался Фарух.

Я цокнула языком – два года под мудрым руководством Хафиза даром ему не прошли.

– Ладно, хрен с тобой, Фарух так Фарух. Где Хафиз спит?

– У себя, – растерялся Фарух. – В спальне.

– Это там, где ковры?

– Ну-у...

– А за железной дверью – что?

– Не знаю. Он туда никого не пускает.

– Но он там не спит?

– Нет, – решительно замотал головой Фарух. – Он туда вообще редко заходит.

Я задумалась. Было два варианта: Хафиз либо заметил мои боевые действия и скрылся за железной дверью, либо его в доме нет. В первое я не верила. Если бы он меня увидел, то скорее всего попытался бы остановить, может, пристрелить... Тем более что ребят его я «брала по частям».

– Хафиз мог уехать?

– А сегодня какой день? – спросил Фарух.

Я попыталась сообразить.

– Уже пятница. Эта ночь – с четверга на пятницу.

– Тогда он у муллы. Он всегда в четверг на ночь выезжает, а в субботу утром приезжает.

– Всегда?

– Всегда! – уверенно произнес Фарух.

Ситуация складывалась неопределенная. Я, конечно же, хотела бежать – и немедленно. Но нельзя, чтобы мне кто-то помешал.

– Здесь есть комнаты без окон и с дверями – настоящими, деревянными?

– Нет. Здесь почти все – без окон, но чтобы и с дверями... Комната охраны, ну и у Хафиза...

– Блин! – вспомнила я. – Тут ведь сарай есть!

Через пять минут я внимательно оценивала пригодность уже знакомого мне сарая к использованию в качестве тюрьмы. Он был совершенно пустой.

– А где лошади? – спросила я шепотом у Фаруха.

– Он на них уезжает. Одна – для себя, и одна – для поклажи.

Я вдруг подумала, что, по большому счету, этот «приют разбойника» пришел в запустение: шесть прекрасных, крытых решетками ям для рабов, а использовалась при мне только одна – для Фаруха; огромная конюшня, а стоит пустой!

Фарух показал мне, где лежит бревно для подпирания двери, и я пришла к выводу, что это то, что надо.

– Сиди здесь! – приказала я Фаруху. – Дернешься – пристрелю!

Он вжал голову в плечи, и сразу стало понятно: этот «человек разумный» – битый, и хорошо битый! Я уже пожалела, что вытащила его.

Когда я прошла на женскую половину, старуха уже поднялась и, стоя в дверях, внимательно осматривала двор.

– Поднимай девчонок и всех сюда! – приказала я, указав рукой прямо перед собой, и передернула затвор.

Женщина оцепенела. Русского языка она не знала, но металлический звук затвора подействовал лучше любого переводчика. Она сразу поняла, что попала в беду.

– Быстро! – с угрозой повторила я.

Из-за циновки выглянула самая младшая, но бабка запихнула ее рукой обратно.

– Не дури! – с угрозой предупредила я.

Мы стояли напротив друг друга, глаза в глаза. Бабка не сдавалась.

Сзади нее в комнате раздалось шевеление, и вскоре во двор выглянула еще одна девушка. Старуха попыталась запихнуть обратно и ее, но я подошла и сорвала циновку.

– Выходи! – крикнула я и еще раз передернула затвор.

Патрон выскочил из автомата впустую, но я знала, что психологическое воздействие от этого не уменьшилось, а стрелять я все равно не собиралась.

Услышав знакомый звук, девчонки одна за другой выскочили во двор, сбились в кучу и заскулили.

– Спокойно! Вперед! – Я указала стволом на дверь, и старуха, первой сообразив, что произошла очередная таджикская революция, засеменила туда, куда указывал некогда порабощенный, а теперь победивший «класс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.